

В предыдущих главах:

Декан Северус Снейп назначает Гарри Поттеру отработки, с целью исключить его из команды и показать факультету, что тот всего лишь наглый мальчишка. Парень пытается ему объяснить, что его нарушение несоизмеримо наказанию, но безуспешно. Тогда Гарри переводит конфликт на более высокий уровень.

Опасаясь мести Снейпа и обысков у себя в комнате, Гарри решает отдать дневник Реддла директору Хогвартса Альбусу Дамблдору, который был известен тем, что всегда боролся с Тёмными Искусствами. Директор объясняет ему, что в тетради не сам Волан-де-Морт, а, скорее всего, лишь часть его духа. С помощью ритуала Реддл сделал из дневника якорь, удерживающий тёмного мага от смерти. Дамблдор обещает постараться уничтожить дневник.

В коридоре подземелий Гарри и Теодора подкарауливают близнецы Уизли. Гриффиндорцы обвиняют Поттера в смерти сестры и нападают.

На факультете Гарри Поттера встретили, словно героя, когда он в весьма потрёпанном виде пересёк порог гостиной, сухо попрощавшись с деканом Гриффиндора в коридоре.

— Гарри! — одновременно воскликнули сильно взволнованные Пэнси и Дафна, вскочив ему навстречу из кресел. — Ты как?

— Всё нормально, — улыбнулся он, скрывая сильную усталость.

В гостиной было не так много учеников: почти все ушли на обед, так как с момента, когда они с Тео покинули вотчину мадам Пинс, прошло более часа. Друзья остались дожидаться Гарри, зная его привычку возвращаться после библиотеки в гостиную, перед тем как идти в Большой зал. Его поочередно обняли сёстры Гринграсс, Паркинсон и Дэвис. Дафна явно переживала и испугалась за него, поэтому долго не выпускала, обняв обеими руками за спину. Оказавшись в теплых девичьих объятиях, Гарри стал понемногу приходить в себя. Белокурые волосы девушки прижались к его щеке, чуть щекоча. Веяло чем-то морозно-сладким. Он успокаивающе похлопал её по спине, как в горле неожиданно запершило. Она отстранилась, в голубых глазах ярко сверкали эмоции.

— Я так волновалась, — прошептала она и отошла на полшага, когда Пэнси тоже приблизилась.

Глаза цвета зелени, так похожие на его, но куда более тёмного оттенка, пристально смотрели, а тонкие брови гневно хмурились. Она была чуть ниже его ростом.

— Проклятые Уизли, — горячо и зло сказала девушка, тоже крепко обнимая Гарри. — Ты такой молодец.

От неё веяло уютом и спокойствием, поэтому напряжение отпускало, а заведённая внутри него

пружина ослабла. Гарри наконец осознал, что опасности больше нет, он дома. Через долгие мгновения она отпустила его, и Гарри ласково улыбнулся. На её щеках появился лёгкий румянец, но она отзеркалила улыбку.

— Молодец... — повторила она, смахивая что-то с его плеча, и отошла, уступая место.

— Главное, что ты цел, — Трейси лишь коротко прижалась к нему на мгновение, и он осознал, что его объятия с Гринграсс и Паркинсон длились явно дольше положенного.

Гарри впервые за эти дни обратил внимание на Трейси, пытаясь рассмотреть ту вблизи. Тёмные волосы не доставали до плеч, полные губы были красными, оттого что она прикусывала их от волнения, тёмные глаза с восторгом смотрели на него. От неё веяло цветочными духами и слегка — цитрусом. Астория тоже его обняла и мило покраснела, когда он дружески потрепал её по голове. Младшая сестрёнка Дафны едва доставала ему до подбородка. Драко с Забини похлопали его по плечу, с испугом глядя на его чуть порванную мантию с еле заметными пятнами крови. Элизабет Харли, Миллисента Булстроуд и Питер Пайк были не в достаточно близких с ним отношениях, чтобы так ярко выражать сопереживание, поэтому, оттеснённые в сторону, они просто кивали или иным способом выражали поддержку Гарри и одобряли нелестные эпитеты в сторону проклятых гриффиндорцев. А Винсент Крэбб и Грегори Гойл остались сидеть на диване, наверняка больше переживая о том, что они сейчас пропускают обед, чем о национальном герое, победившем в неравной схватке.

Когда все убедились, что Гарри в порядке — перепуганные взгляды сменились на восторженные. Теодор Нотт, которого отпустили из кабинета директора немного раньше, как оказалось, уже рассказал всем немногочисленным присутствующим о подломе нападения гриффиндорцев, случившемся совсем рядом: почти в двух шагах от входа в их гостиную. И не забыл упомянуть, что именно Гарри вынес всю тяжесть битвы, мастерски и жёстко расправившись с обоими противниками.

— Какой же ты сильный маг, — с восторгом запищала черноволосая первокурсница Вейн.

К некоторому удивлению Поттера, Тео совсем не старался утянуть у него хоть чуточку славы и выставить себя в лучшем свете. Что в этом было: то ли страх перед ним, то ли благодарность за спасение — Гарри не знал. Но с гордостью принял поздравления от своих друзей и других студентов, которые не успели отправиться на обед до прихода Теодора Нотта вместе с ошеломляющими новостями, а потом, с намерением узнать всё из первых рук, остались в гостиной.

— Обед скоро закончится, — негромко пожаловался Крэбб сидящему напротив Гойлу, но Гарри услышал. — Есть очень хочется.

— Я сейчас спущусь, приведу себя в порядок, переоденусь, и пойдём, — сказал Гарри. Оглядев свою потрёпанную после схватки мантию, он добавил, — хотя нет, идите без меня, а я буду чуть позже.

— О, нет, теперь мы тебя одного не оставим! И всё равно времени не хватит, — взглянув на часы, сказала Дафна, — даже если выйдем из гостиной прямо сейчас.

— Да как же так? — возмутился Драко, не желающий оставаться без своего любимого лакомства — запеканки с почками.

— Знаешь что, Гарри, ты иди, делай что нужно, — быстро заговорила Пэнси, понимающе

переглянувшись с Трейси. — А мы что-нибудь придумаем. И не торопись, дай нам немножко времени, хотя бы минут двадцать-тридцать, ладно?

— Ладно, — согласился парень и пошёл к лестнице в сторону своей комнаты. — В полчаса уложусь.

— Хорошо, мы подождём тебя здесь, — раздалось ему вслед сразу несколько голосов.

Громкие разговоры взбудораженных слизеринцев ещё долго слышались спускающемуся по ступенькам Гарри. Одной рукой он держался за перила, а в другой держал картину, нарисованную Ноттом. Чтобы не пугать Пэнси, Дафну или других девушек пятнами крови, ему пришлось сложить её, немного при этом помяв. А сейчас он сжимал её между пальцами, сам не зная зачем. Усталость накатывала волнами, а мысли продолжали возвращаться к тому времени, когда он так же спускался по лестнице, измученный пытками Тёмного Лорда и последующим событиям, произошедшим четыре месяца назад. Наконец показалась дверь его комнаты, и Гарри привычно достал палочку, чтобы снять защитные чары. Внутри было мирно и тихо, но в голове ещё звучали обвинения и проклятия близнецов Уизли. Их голубые глаза, полные ненависти.

«Проклятый Наследник!»

«Ты во всём виноват!»

«Убийца!»

Бумага в его ладони жалобно заскрипела, когда пальцы судорожно сжались, и он опомнился. Аккуратно расправив её и положив на стол, Гарри взял чистую одежду и пошёл в душ, чтобы смыть усталость после боя. Да и тяжелый разговор с четой Уизли, поддерживаемый мерзким деканом, тоже изрядно его утомил. Ему хотелось освежиться, поэтому он долго-долго стоял под холодными струями воды, уносящими с собой пот и капли чужой крови. Тяжелые мысли ушли, оставив после себя умиротворение.

«Я всё правильно сделал...»

Неторопливо просушив палочкой волосы, Гарри зашёл в свою комнату одеться в чистые вещи и причесаться, а потом поднялся обратно в гостиную. К его изумлению, там собрался весь факультет, который с шумом встретил его возвращение.

— Поттер! — улыбаясь, тут же подошла к нему Монкли, которая, в отличие от многих слизеринцев, одетых очень нарядно, выглядела совсем обычно. Единственной отличительной чертой на её тёмно-сером школьном джемпере был золотисто-зелёный значок старосты. Чёрную мантию она сняла, чуть запыхавшись. Девушка мгновенно вручила Гарри бокал с каким-то напитком и подняла в другой руке такой же. — Наш герой! За Гарри Поттера! — громко произнесла тост, и весь факультет тут же его подхватил. — За слизеринца, который всегда побеждает!

— За Поттера! — вторил ей неразговорчивый семикурсник Уоррингтон, который сменил Джемму Фарли на посту старосты школы.

Отпив сливочного пива из предложенного бокала, Гарри наконец-то огляделся. Семь больших и длинных трансфигурированных столов ломились от количества разных вкусных блюд. Слизеринцы успели за такое короткое время принести всё в гостиную? Или он стоял слишком долго под струями воды в душевой кабине, пытаясь прийти в себя, и утратил чувство времени?

Но всё это неважно: когда нос Гарри учуял запах жареной курицы, он испытал невероятно острое чувство голода. Что бы он ни говорил своим друзьям насчёт того, что гриффиндорцы не смогли его даже задеть, чуть ли не выставив этот неожиданный бой лёгкой прогулкой — поединок отнял у него много сил. О том, что было бы в случае его проигрыша, парень старался не думать.

Гарри не ожидал, что факультет организует такой масштабный праздник в честь его победы. Стульев было мало: волшебники словно подхватили магловскую традицию и устроили фуршет. У парня сложилось впечатление, будто он в одиночку победил на матче по квиддичу. По крайней мере, обстановка была такая же, как после единственного матча, на котором он участвовал как игрок. Гарри едва успел обрадоваться тому, что переоделся в чистую одежду, которая больше подходила яркой обстановке и нарядным мантиям окружающих, как его тут же закрутил весёлый круговорот празднества. Хотя, как ему сказала Пэнси, в немного обгоревшей мантии у него был куда более героический вид. Но в остальном на нём не было ни царапины: окончательно придя в себя после боя, он инстинктивно применил несколько лечебных чар, а Дамблдор в своём кабинете одним движением палочки мгновенно вернул его раненому лицу прежний вид. Так что заклинание, которое словно ошпарило его, не оставило и малейших следов, в чём он убедился, разглядев своё отражение в сквозном зеркале в комнате. То же самое было у Нотта: декан за несколько секунд излечил ему руку ещё в коридоре. Как предполагал Гарри, чтобы выставить пострадавшими гриффиндорцев, у которых был совсем израненный вид, по сравнению со стоящими на своих ногах слизеринцами. Декан был готов на всё, чтобы очернить его. Тогда было бы больше причин для исключения парня из школы. Сам Гарри никакого лечения от Снейпа не получил, хотя стоило адреналину немного спастись, он почувствовал жар вокруг лица, а несколько порезов и ушибов, скорее от выбитых из стен каменных осколков, чем от проклятий, сильно болели. Чтобы не слушать тогда очевидно нелестные слова злого декана, он отошёл в сторону и, пока близнецов погружали на носилки и отправляли в Больничное крыло, занялся самолечением. Гарри с трудом вынырнул из неприятных воспоминаний. Проклятого Снейпа здесь нет, так и нечего лишний раз про него думать! Вечеринка в его честь, и он будет последним гриффиндорцем, если продолжит стоять тут и киснуть.

Обстановка в гостиной воцарилась праздничная и очень весёлая, что бальзамом очищения лилось на душу Гарри. Разумеется, за время долгого застолья не обошлось и без ложки дёгтя. Гринграсс и Паркинсон каким-то непостижимым для него образом связали нападение двух гриффиндорцев с предсказанием профессора Трелони о смертельной опасности для него, что вызвало оживлённую дискуссию среди множества девушек.

— Она как раз говорила про опасность в дороге, — повторно пересказывала Пэнси внимательно слушающим её четверокурсникам, — и эти бешеные псы-гриффиндорцы подкараулили Гарри как раз по дороге в гостиную.

— Всё же я думаю, что эта часть её предсказания касалась случившегося первого сентября в поезде, — намекнув на дементора, возразила Дафна, сидя с идеально ровной спиной. На ней была праздничная воздушно-небесная мантия, даже скорее платье с закрытыми плечами и полностью скрывающее ноги волшебницы. Длинные белокурые волосы держались в строгом пучке, а в ушах переливались две изящные серёжки.

— О нет, Дафна, такое невозможно! — горячо воскликнула Пэнси, взмахивая рукой с бокалом. В отличие от своей подруги, которая выглядела словно принцесса, сошедшая со страниц книг, Паркинсон была одета в изысканную мантию тёмного цвета, которая не только прикрывала, но и подчёркивала бордовое платье длиной почти до самого пола с тёмно-фиолетовым поясом и золотистым узором. Её чёрные волосы не доставали до плеч и были уложены в простую

прическу. — Предсказание на то и предсказание, что относится к будущему, а не к прошлому! И никак не может касаться того, что уже свершилось.

Такая тема для обсуждения не особо нравилась Гарри, поэтому он, отпив уже вишнёвого напитка, отошёл к группе четверокурсников. Те тут же насели с просьбой повторно рассказать о дуэли, но вместо этого парень позвал Нотта, и тому опять пришлось отдуваться за него. У художника гораздо лучше получалось обрисовать случившееся, описывая всё более красочно и внушительно. Гарри тоже коротко вставлял ремарки, заново переживая те события.

Вокруг них сразу скучковались остальные слизеринцы. Ожидаемо в ходе беседы несколько раз всплывала тема наследника и Тайной комнаты. Совсем не сложно было связать нападение братьев-гриффиндорцев с их сестрой, похищенной Наследником Слизерина в прошлом учебном году. Но Гарри такие вопросы пресекал на корню, не имея ни малейшего желания общаться на эту тему. Ему хватило того, что пришлось объясняться перед семьей Уизли. Их горе вызвало у него душевную боль и стыд, и проходить всё это заново ему совершенно не хотелось. Он вдруг обратил внимание на то, что светловолосая красавица-староста Монкли была рядом: стояла в трёх шагах от его кресла с бокалом в руке и смеялась над одной из его шуток, а вот Энтони Корнфута — второго старосты — нигде не было видно. Неудивительно, что это не осталось незамеченным. Кто-то принялся возмущаться таким поведением, ведь весь факультет тут, а новоиспечённый староста, скорей всего, сидит в своей спальне, как в укрытии. Многие даже отметили, что Флинт был куда лучше или что Снейпу стоило назначить Грэхэма Монтегю на этот пост.

Гарри тоже мысленно жалел, что Флинт уже выпустился из Хогвартса, но не из-за его якобы прекрасных навыков в качестве старосты. Как парень помнил, несколько месяцев назад тот даже думал остаться на второй год, чтобы снова выиграть и заполучить Кубок по квиддичу, который, по мнению бывшего капитана команды, украли проклятые гриффиндорцы вместе с директором, отменив последние матчи. А вот новый капитан команды Грэхэм Монтегю, завладевший вниманием своим рассказом о планах на предстоящую игру с Гриффиндором, вызывал в Гарри какое-то смутное неприятие. Наверное, это из-за слов мерзкого Снейпа, который собирался с его помощью выкинуть Поттера из команды. Флинт на такое никогда бы не пошёл, но кто знает, сможет ли устоять Монтегю под давлением могущественного декана? Но эти мысли и сомнения про нового старосту и тем более про веселящегося в нескольких шагах Монтегю Гарри не стал озвучивать вслух. Всё же Корнфут раньше был неплохим парнем, а встреча с дементором заставила его замкнуться в себе. Возможно, вскоре он оправится и тогда припомнит злые слова, ведь любой из присутствующих может ему это без затей передать, чтобы получить преференции перед старостой.

Мысли Гарри вернулись к Флинту, когда Монтегю закончил вытирать ноги о команду львов и перешёл к рассказу смешной истории, связанной с охотником Когтеврана. Всё же Маркус многому научил его в квиддиче, и Поттер жалел, что теперь капитан не он. Хорошо, что летом Джемма вправила Флинту мозги и теперь тот хотел попасть в сборную Англии по квиддичу, хотя бы запасным для начала. Подруга Поттера как-то собиралась этому поспособствовать, конечно, для личной выгоды. Поэтому бывшему сокоманднику пришлось сократить традиционные странствования после Хогвартса до нескольких месяцев. Рослому бывшему капитану, как и остальным семикурсникам, пришлось сдавать летом ЖАБА в Министерстве вместе с Джеммой Фарли, поэтому Гарри обо всём знал.

Празднование длилось ещё несколько часов, медленно перейдя в ужин, но вот долгий день закончился. Его ждала беседа с девушкой, которая явно будет рада узнать о его успехах в схватке против двух пятикурсников.

В следующие дни Гарри был в самом центре всеобщего внимания, хотя, казалось, куда уж больше. Шепотки его преследовали на каждом шагу. Не сбавило накал мрачной популярности и объявление Альбуса Дамблдора во время завтрака в Большом зале. Директор твёрдо заявил о том, что мистер Гарри Поттер никак не связан с Тайной комнатой или же с исчезновением Джиневры Уизли. Дамблдор выполнил просьбу Поттера, данную, когда тот передал ему дневник Волан-де-Морта. Но ни о настоящих виновниках, ни о судьбе близнецов директор не сказал ни слова. Естественно, многие не поверили. Всех поразило, что Поттер, несмотря на подозрения, сумел опять выйти сухим из воды. Однако слова Альбуса Дамблдора всё же посеяли среди учеников сомнения. Может, всё же победитель Сами-Знаете-Кого не виноват? Мнения разделились — страха в чужих глазах стало меньше. Теперь его не только боялись, но и уважали.

В редкие свободные минуты между занятиями Гарри гадал, что на это повлияло, почему Хогвартс словно разделился на два лагеря: тех, кто поверил Дамблдору, и тех, кто опасался лишний раз даже взглянуть в сторону слизеринца. Тот факт, что кто-то всё ещё считал его наследником Слизерина, причастным к смерти Уизли? Или то, что он вышел безнаказанным из всей этой истории, неслабо покалечив близнецов? А может то, что он владеет Патронусом, заклинанием магии высшей категории? Эту информацию распространили ученики шестых и седьмых курсов, занимавшиеся углублённым изучением Защиты от Тёмных искусств, для всех не посвященных в тонкости этой дисциплины, не забыв упомянуть о его уникальности в противостоянии дементорам. Наверное, всё это вместе вызвало у людей не только страх, но и уважение. К удивлению Гарри, оказалось, что с подачи кого-то из его друзей все решили, что именно он вызвал в поезде Патронуса, который прогнал дементора. Друзья в его купе как-то сопоставили несколько фактов: это он сдерживал дементора, яркое облако от его палочки, вспышка света и убегающее чудовище. Связав появление телесного Патронуса, которое они, может, даже и не разглядели, с тем, что Гарри наколдовал ранее, они пришли к неверному выводу. Хотя на самом деле тут надо было благодарить мракоборца Кингсли. Поистине ужасный эффект появления дементоров в поезде почувствовали все школьники, потому что чудовищ было несколько и они прошлись по всем вагонам. Поэтому колдовская сила Гарри Поттера теперь ни у кого не вызвала сомнений. Ведь никто не смог прогнать дементоров, кроме него. Остальные чудовища, оставив после себя глубоко подавленных учеников, по своей воле покинули поезд.

Гарри часто общался с Джеммой Фарли по сквозному зеркалу, подробно рассказывая ей о всяких мелочах. Она ему объяснила, что его амулет-змея не смог бы во время боя с Уизли перенести его из Хогвартса, так как замок зачарован от такой магии. Но подарок всё равно должен был защитить его, а значит, именно по этой причине Гарри не пострадал. Хотя он предположил, что, возможно, амулет не сработал, так как он был в силах самостоятельно защититься от проклятий близнецов. Джемма с этим согласилась. Коснулась она и причин случившегося, настаивая на том, что Гарри стоит ходить с группой однокурсников, а никак не с одним только Теодором Ноттом, которому, наоборот, пришлось помогать с его противником. Но Гарри знал, что будь он один, если бы не Тео, отвлекший на себя одного Уизли, он бы проиграл двум магам.

— Этих Уизли вряд ли исключат, — с ненавистью добавила волшебница. Их нападение вызвало у неё клокочущую ярость, ощущаемую даже через холодную гладь зеркала. — Эти мерзавцы хоть и напали первые, по сказанному тобой я могу заключить, что ты их телами изрядно вытер пыль с пола у нашей гостиной. Так что они не скоро покинут больничное крыло.

— Всё верно, — кивнул Гарри. Иносказательная похвала волшебницы куда сильнее польстила

ему и обрадовала, чем все открытые восхваления от слизеринцев. — Они не сдерживались в выборе проклятий, поэтому и я не стал. А наши дуэли с тобой летом позволили одержать уверенную победу, не получив значимого вреда в ответ.

— Раз директор сразу не объявил об их исключении, то они останутся в школе, — подытожила в конце девушка, чуть успокоившись. — Всё же это крайняя мера, и должно произойти что-то из ряда вон выходящее, чтобы Дамблдор пошёл на нечто подобное. В этот раз фасадом служит лишь столкновение учеников с разных факультетов, которое можно представить как простой конфликт из-за того же квиддича. Вы же все — члены разных команд, кроме Нотта. Чтобы всё выяснить более подробно, нужно проверять палочки. Кстати, ты молодец, что не поддался в этом вопросе Снейпу. Таким образом, исключение Уизли не выгодно никому. Посуди сам. К примеру, — принялась рассуждать девушка, — рассмотрим ситуацию: близнецов выгоняют из школы. Тогда ничто не мешает им обратиться в отдел магического правопорядка, всё же ты их сильно покалечил. Даже если не они сами пойдут жаловаться, то это сделают родители этих убогих. Начнётся расследование, и тогда сложно будет уклониться от проверки палочек. А ты говоришь, что применял, хм-м, некоторые нежелательные проклятия?

— Не совсем так, — нахмурился Гарри. — Они тоже их использовали. И насчёт нежелательности... Возможно, за некоторые чары можно получить суровое наказание, — он чуть помедлил, убеждаясь, что Джемма поняла скрытый смысл его слов. — А не только исключение.

— Сам понимаешь, что таким способом никто не карает несовершеннолетних волшебников, — пояснила Фарли. — Но такая проверка у тебя и у Уизли всё раскроет. На этих, дементор сожри их душу, предателей крови плевать (пусть действительно им повезёт встретиться с этими чудовищами, и те иссушат их), но твоя палочка тоже всё откроет. А значит, будет длительное разбирательство в Визенгамоте. Если Уизли будут исключены, то им терять нечего. Да, может, в итоге им сломают палочки, а также повесят штраф, но нам тоже достанется. Поэтому это невыгодно. Но не переживай, я найду чем отплатить им, так что они горько пожалеют о своём поступке, — хищно заявила она.

— Не нужно, — задумчиво отказался Гарри. — Они и так получили на орехи от меня. Ты бы их видела. Сейчас они страдают в больничном крыле. Хотя внешний эффект проклятий я успел снять, набор плохих воздействий они получили большой, так что мадам Помфри ждёт много работы. Ведь одно дело лечить раненого, когда видно повреждения на теле или есть другие внешние эффекты от проклятий, и совсем другое — долечивать за кем-то, когда непонятно что за увечья были нанесены. Да и, — не дал возмутиться волшебнице его жалостью, — их семья и без этого натерпелась. Лучше нам сосредоточиться на Северусе Снейпе.

Беседы по сквозному зеркалу в последующие дни проходили куда спокойнее. Девушка держала в курсе своих дел на работе, делилась подробностями международной политики. Гарри сначала недоумевал причинам таких разговоров, но потом сообразил, что когда-то попросил её делиться новостями, сообщать, что происходит у неё на работе, и она просто выполняла своё обещание. И какого было его удивление, когда утром в один из дней он с почтовой совой получил первое письмо, несмотря на вчерашний вечерний разговор по зеркалу.

Примостившаяся рядом Букля сердито косилась на сипуху, которую прислала Джемма. Сова Гарри иногда прилетала утром в Большой зал, чтобы принять угощение из его рук. Читая письмо от подруги, Гарри заметил, что скучает по её спокойному голосу, по живому общению. Сквозное зеркало не давало всего этого. Да и, к сожалению, парень не всегда мог связаться с ней по этому артефакту: Драко Малфой и другие слизеринцы теперь очень редко оставляли его

одно, окружая своего знаменитого сокурсника большим вниманием, и часто собирались у него в комнате, притаскивая стулья из своих спален. Драко так вообще ловил почти каждое его слово.

Разумеется, многие заинтересовались обучением у Гарри после его победы над близнецами, воспринимая его как выдающегося волшебника. И хотя обоих Уизли выписали из больничного крыла через четыре дня и даже как-то наказали (всё же это они первыми напали) — это не повлияло на желание многих дружить с Гарри. Тем более что сами Уизли старались не попадаться ему на глаза. По слухам, у них был длительный разговор с Альбусом Дамблдором, который и объяснил, что Гарри ни в чем не виноват. Досталось и гриффиндорскому старосте — Перси Уизли, их старшему брату. По крайней мере слухи, перешедшие к нему от Пэнси, служили в пользу этой версии. Якобы сами Уизли в гостиной Гриффинора говорили об этом и заявили, что не считают Поттера виновным в похищении своей сестры. К радости Гарри, в «Пророке» об этом происшествии статей не оказалось. Ему бы не хотелось закреплять за собой такую славу, и он переживал об этом, хотя, убедившись, что на страницах газеты про него ни слова, немного расстроился таким игнорированием. Но «Ежедневный Пророк» был целиком сосредоточен на Блэке.

По словам Уиллиса Уоррингтона — семикурсника, который выбрал углубленное изучение по защите от Тёмных искусств — не каждый волшебник с его курса способен справиться одновременно с двумя магами. Поэтому кто-то решил с помощью более плотного общения набиться к Гарри в друзья, а другие загорелись идеей обучиться сложным заклинаниям, в том числе Патронусу, чтобы можно было защититься от чудовищ, что окружили замок. Для всех наиболее любопытных он несколько раз продемонстрировал в гостиной использование Патронуса, создав плотное светлое облачко. После празднования светлые эмоции буквально захватили его, поэтому это не вызвало сложностей. Слизеринцы, которые готовились сдавать СОВ по защите от Тёмных искусств или просто хотели защититься от дементоров, подходили к нему, прося дать парочку советов или даже потренировать их, взамен предлагая золото или другую ответную услугу. Гарри соглашался, с удивлением понимая, что власти на факультете у него всё больше и больше. Так же легко разрешились проблемы с нумерологией. Два слизеринца, которые разбирались в этом предмете, с готовностью помогли ему, доступно объясняя каждую сложную тему.

Его позиция на факультете Слизерин изменилась. Его слова имели куда больший вес, чем в прошлом году. Чувство власти на своём факультете снова прельщало мальчика, но теперь он осознал эту цену. Гарри пользовался своим авторитетом с куда большим умом, стараясь, по примеру Фарли, налаживать связи с нужными людьми, чтобы ещё больше упрочнить своё положение. В какой-то момент он осознал, что может взять столько власти на факультете, сколько сам захочет. К нему часто подходили с разными вопросами, неразрешёнными спорами с другими учениками, ему не раз приходилось быть арбитром. Однажды он заметил, что не помнит, кто к нему обращался, о чём с ними говорил, и имена тоже не оставались в памяти. Слишком много было желающих с ним пообщаться, среди которых были и ученики с других факультетов. Для решения этой проблемы ему пришлось завести записную книжку, где он записывал информацию о человеке и чем он ему помог. Саму книжку Гарри заколдовал, чтобы никто кроме него не мог её прочесть. Тот, кто осмелится взять её в руки, попадёт под вредные чары. А того, кто попытается её открыть, будет ждать кровать в Больничном крыле на неопределённый срок.

Огромная власть пьянила Гарри Поттера, но не опьяняла. Он прекрасно понимал, чем это может обернуться по примеру прошлого года. Как и то, что эта власть может испариться в мгновение ока. Ему уже было недостаточно уважения и подобострастия со стороны факультета, как было в прошлом году, ему хотелось большего: перевести всё это в

вещественную форму. И когда его принялись благодарить за помощь галлеонами, он не стал отказываться. Золото полилось в его карман рекой. Он узнавал, выпытывал секреты, слабости других, заводил своих доносчиков, по примеру Снейпа, не стеснялся оказывать услуги за золото, хорошую книгу или информацию. На младших курсах его влияние было подавляющим. Только второкурсница Эмилия Стоун старательно избегала Гарри, но он не собирался ей навязываться. Это было странно, ведь именно эта девочка, скованная Непреложным обетом, находилась под его властью в большей мере, чем любой другой в замке, но он испытывал какое-то непонятное чувство, мешавшее ему самому к ней подойти. Всё же девочке многое пришлось тогда пережить, когда она попала в это подчинённое состояние. У Гарри были мысли о необходимости разговора с ней, но парень всё время его откладывал, тем более свободного времени у него не было. Ученики более старших курсов стремились с ним подружиться, имея для этого множество причин, не последней из которых была его подруга — Джемма Фарли, которая получила высокий пост в Министерстве отчасти благодаря слизеринцу. Многие, воодушевившись этим примером, тоже мечтали забраться на Олимп магической Британии, что неизменно приводило в сети Гарри Поттера. Да, были те, кто явно не был рад возвышению парня на факультете, но страх заставлял оставаться в тени. Тем более что единственные, кто могли и должны были взять власть на факультете в свои руки, оказались не готовы к такой ситуации. Джулия Монкли только-только стала старостой и была еще неопытной. И вообще, из-за всех навалившихся вдруг обязанностей ей пришлось несладко, так что она была даже рада разделить некоторые с Гарри. Но без старост шестого и седьмого курса девушка бы совсем закопалась, и даже помощь Гарри её бы не выручила. Однако опытные старосты хоть иногда вмешивались в жизнь факультета, но занимались больше тем, что спихивали всю основную работу: например, объяснение всех правил первокурсникам, контроль за ними и управление первыми пятью курсами — именно на Монкли. Хорошо ещё, что их было намного меньше, чем, к примеру, учеников курса Гарри. Второй староста-пятикурсник Энтони Корнфут как-то самоустранился от всего, поэтому Поттер забрал часть его функций себе, с лёгкостью налаживая отношения с лидерами старших курсов. Словно в отместку за то, что Фарли гоняла их в прошлом году, заставляя делать всю грязную работу (хотя воображение Гарри отказывалось представлять, как можно гонять мощного Уоррингтона), теперь они намеревались расслабиться и отдыхать. Старосты шестого и седьмого курса неприятно напоминали ему себя год назад, когда он без каких-либо усилий получал почёт и внимание факультета. Для себя он отметил, что надо потихоньку Корнфута вытягивать из депрессии, понемногу отдавая ему обременительные обязанности, оставляя себе лишь приятные, иначе со Снейпа станет снят того с должности и заменить на менее удобного для Гарри человека — того же Монтегю. А сам Энтони будет ему благодарен за такую помощь, что ещё больше укрепит положение Поттера.

Старостой школы в этом году назначили Уиллиса Уоррингтона, несмотря на то, что Слизерин не выиграл Кубок школы из-за спешного закрытия замка, профессора учли, что у их факультета было наибольшее количество очков, да и никаких серьёзных взысканий и происшествий со стороны слизеринцев не было. Заменив на этом посту Джемму Фарли, Уоррингтон не стремился, как она, быть впереди всех, а сосредоточился на учёбе. Говорили, что он очень хорош в защите от Тёмных искусств и трансфигурации. Высокий, русоволосый, редко улыбающийся и немногословный, он выглядел как непоколебимая скала. В отличие от Уоррингтона его напарница и вторая староста школы совсем не отличалась собранностью и строгостью. Корделию Селвин больше волновала организация вечеров, где они с подругами собираются в своём кругу, обсуждают старые и придумывают новые сплетни, разглядывают фасоны модных платьев и погружаются в другие многочисленные девичьи темы, которые редко были интересны самому Поттеру, чем что-то другое. Её особой страстью были карнавалы, посвященные историческим темам. Гарри не знал, как всё это точно называется, и никогда не проявлял любопытства, но Пэнси, которая очень стремилась туда попасть, ему рассказывала

все новости о предстоящем 31 октября в день Хэллоуина историческом мероприятии, посвященному могущественной волшебнице древней Англии — Моргане. Со слов девушки, оно открывало завесу тайны об одной из кровавых эпопей в её длинной жизни, когда та хитростью смогла сокрушить семь противостоящих ей кельтских колдунов, убив их всех. То ли в магической дуэли, когда она подлавливала каждого из них по отдельности и те не могли сбежать (Гарри знал, что в те давние времена ещё не изобрели трансгрессию как способ магического перемещения), то ли отравив на каком-то из званых ужинов. Ещё ожидалось, что будет показана какая-то взаимосвязь с Самайном, то есть Хэллоуином, который до прихода англосаксов носил такое название, но тут её способность всё знать пасовала — всё же тайну старосты старательно охраняли, чтобы не портить интигу. Но кое-что и просачивалось наружу. Староста шестого курса Кэндис Макнейр предлагала провести историческое мероприятие про египетского мага-фараона Аменирдиса и его успешный поход против Персии. Но Корделия очень хотела быть Морганой, что готова была даже перекрасить свои великолепные белые волосы в густой чёрный цвет — древняя волшебница увлекалась тёмной магией, и её волосы соответствовали этому, поэтому не потерпела никаких изменений.

Всё это лишь звучало интересно, но по прошлым мероприятиям Гарри составил картину происходящего. Волшебники и волшебницы разыгрывали разные исторические сцены, переодеваясь в мантии других времен и стран, и играли разных влиятельных героев того времени. Всё происходило очень чинно и, наверное, скучно, хоть и красочно. Например, многие египетские волшебницы и волшебники носили более открытые одеяния из-за жаркого климата, но такого себе не могли позволить слизеринцы из-за норм приличия. Гарри знал, что и в прошлом году, и позапрошлом были такие же магические карнавалы, но ни разу сам не участвовал, а простые зрители не допускались. Во-первых, к этим мероприятиям готовились очень долго. Магией нельзя было изменить свои мантии, сделав из них старомодные, а нужно было заказывать из специального магазина. Хотя Пэнси рассказывала, что всё-таки иногда приходилось подгонять одеяния под нужный размер, но это держалось под большим секретом, чтобы не нарушать аутентичность. Раньше организацией всего этого занимались старосты Лорен Мальсибер и Джемма Фарли, но без особо огонька. Сейчас Гарри знал, что Джемма увлекается историей, но почему-то такое воплощение в реальных персонажей не вызвало у неё сильной увлечённости. А вот Селвин сразу в это погрузилась. И, став старостой, она стала духовным лидером этого движения, несмотря на то, что формальным лидером в прошлом году была Фарли, так как Мальсибер уже тогда выпустилась из замка. Девушка больше всего любила устраивать балы, а потом многие недели обсуждать с другими волшебницами, как всё произошло и что им понравилось. Крайне редко такие мероприятия происходили в гостиной, которая хоть и была очень огромной, но в ней всегда было много народу, и невозможно было создать нужный образ помещения, изменив обстановку, и закрыть вход от других студентов, которые не одеты в правильном стиле. Обычно это было большое помещение, которое клуб выбрал для себя в подземелье и переделал под свои нужды. Так как это был условно-открытый клуб, то там ещё могли участвовать несколько представителей из других факультетов. Однако чопорные слизеринки не хотели принимать кого попало, так что в основном это были чистокровные когтевранки, которые так же увлекались историей, а главное имели достаточно знаний о древних эпохах, чтобы вносить предложения и помогать советами, и большим количеством золота для покупки нужных мантий для себя. Селвин умело отсекала нежелательных учеников и учениц с других факультетов, предпочитая только для своих устраивать эти вечера. Даже Дафна, которая как-то высказала интерес, вряд ли смогла бы туда попасть. А у Трейси вообще шансов не было, так как она полукровка. Чем-то Гарри это напоминало сцены в магловских театрах, но без присутствия зрителей. Кэрроу тем не менее осторожно закинул зелье в котёл*, намекнув Поттеру, что он тоже может поучаствовать, но парень не захотел. Да, он знал, что был подходящий кельтский колдун его роста, так как старшекурсники были выше его на целую голову, но у него совершенно не было времени на

это, тем более, что необходимо было заказывать дорогую мантию на профессиональное изготовление. Да и тогда пришлось бы много общаться с Корделией, которая чем-то ему напоминала Пэнси, самую худшую её сторону — болтливую и немного легкомысленную, — усиленную в несколько раз. Джемма Фарли тем не менее сказала, что девушка своё дело по контролю факультета знает, просто у неё несколько иной склад ума. Традиционно старост школ назначают из факультета, победившего остальные по очкам и получившего Кубок школы. Но, естественно, деканы учитывают не только это, но и другие важные заслуги, которые могут сыграть как в плюс, так и не дать занять желанный для многих пост. Разумеется, могут быть веские причины, чтобы лидер из факультета-победителя прошлого года не получил пост главного старосты, например, если у него были взыскания или другие серьёзные ошибки.

Вступительная речь, которую надо подготовить, и другие подобные обязанности ложились на старост пятого курса. Шестикурсники принаравливались к новым предметам: у них тоже не было много свободного времени, а седьмой курс полностью сосредотачивался на подготовке к выпускным экзаменам. Разумеется, не все, некоторые учились через пень колоду, но самых сильных учеников (а другие и не имели возможности стать старостой) это не касалось. Монкли тоже предстояли в этом году сложные экзамены СОВ, и ей тоже нужно усердно готовиться, но никого из четвёрки старших старост это не волновало. Девушка же ещё не определилась, какие предметы выбрать для шестого курса, на чём сосредоточиться, чтобы набрать высокие баллы. Ей хотелось продолжить обучение зельеварению, но для прохода на углублённый курс требовался высший балл. Гарри в одной из бесед с ней привычно посоветовал Защиту от Тёмных искусств. За текущие недели они неплохо сблизились, и она оказалась весьма милой, с заразительным весёлым смехом и ослепительной белой улыбкой. А её длинные золотистые волосы приковывали взгляд, поблескивая на солнце. Но Гарри не доверял ей ни на кнат, прекрасно помня слова Джеммы про условия отбора на должность старост и кому они могут передать все новости.

Беспокоящее его отсутствие дуэльной практики Поттер решил просто. Он выбрал несколько старшекурсников, которые собирались сдавать СОВ в этом году по защите от Тёмных искусств, чтобы тренироваться вместе с ними в одном из пустых кабинетов. Вернее, сдача экзаменов по этому предмету была обязательно для всех, но лишь двое парней настроились продолжить обучение в искусстве колдовской защиты на следующий год. И этот факт сильно изумлял Гарри. Да, этот предмет был не особо необходим для карьеры, более того, парень знал лишь одно место, где требовалась обязательная сдача ЖАБА по нему — при вступлении в ряды мракоборцев. Даже в отделе обеспечения магического правопорядка — в котором как раз стоял особняком корпус мракоборцев — не было такого критерия. Но ведь именно эта дисциплина обучает защищать себя! Неужели на шестых и седьмых курсах обучение настолько узконаправленно, что почти никого не заинтересовало? Или причина в чём-то другом? Джемма Фарли не постеснялась же выбрать этот предмет и сдать по нему ЖАБА, но вот её приемники Монкли и Корнфут явно не собирались следовать её примеру, хотя Гарри не бросал надежду уговорить девушку всё же выбрать этот предмет. А вот их одноклассники Кассиус Уоррингтон и Уильям Причард решили попытать свои силы, хотя, как знал Гарри, не собирались идти в мракоборцы.

Сначала всё же было боязно сразу вставать против пятикурсников в открытом бою, поэтому он попросил их продемонстрировать, что они умеют. Вместе они убрали мешающие парты в сторону. Оба слизеринца встали друг против друга и, по его отмашке, начали учебный бой. К изумлению третьекурсника, набор их чар оказался не очень серьёзным. И потом, в личной дуэли, Гарри смог победить каждого по отдельности. Всё же им далеко до Джеммы Фарли, а серьёзные проклятия и защиту от них изучают не на четвертом курсе, который они закончили несколько месяцев назад, а как раз частично на пятом году обучения. И на углубленных

занятиях по защите от Тёмных искусств, которые начинались для тех, кто смог достойно сдать СОВ по этому предмету. А учитывая, что в прошлом году преподавателем был профессор Локонс, то победа Гарри была не таким уж большим достижением. А вот тому же старшему Уоррингтону — семикурснику и брату Кассиуса — он не рискнул предлагать учебный поединок. Однако тот, узнав, что Гарри тренируется с его младшим братом, сам заинтересовался проверкой его и своих навыков в совместном бою. Прямо он этого не сказал — лишь похвалил парня, выжидающе смотря, словно полагая, что гордость и высокомерие затмит Поттеру глаза, и он попытается сразить его в колдовской дуэли здесь и сейчас. Но Гарри проигнорировал эту скрытую провокацию, прекрасно понимая, что против семикурсника у него не намного больше шансов, чем против великолепной в этом искусстве Джеммы Фарли. Да, возможно, его репутация как Наследника Слизерина в случае поражения не сильно пошатнётся, так как у него якобы есть другие сильные стороны без могущественной магической силы, и вряд ли кто-то серьёзно ждал, что третьекурсник одолеет семикурсника. Но всё равно она немного подпортится — это приведёт к негативному эффекту, который ему совсем не нужен. Возможно, стоило провести закрытую дуэль, попросив Уоррингтона не раскрывать подробности. Но это сделает Гарри его должником, и у того появится рычаг давления на него. Это парня совсем не устраивало.

Единственный, кто мешал власти Гарри Поттера на факультете — это профессор Снейп. Благодаря своему дару легилименции, в прошлом учебном году он узнал, что Гарри не является наследником Слизерина. К радости парня, открытого конфликта больше не произошло. Он старался вести себя скромно при злобно зыркающем на него декане, но независимо. Джемма всё же написала тому письмо, где туманно сообщила, что в курсе событий, касающихся одного знаменитого третьекурсника, как и о его беседе с деканом. А потом заявила, что с Гарри у неё тёплые, дружеские отношения, попросив профессора приглядеть за ним. Разумеется, Снейп понял все намёки. Ответил он не сразу, но в итоге девушка получила письмо. Очевидно, что профессор собирался с мыслями. Он сдержанно поблагодарил её за интересные сведения, между строк явно специально напоминая ей, что она раньше являлась его осведомителем на факультете, снабжала его информацией. Далее декан ядовито намекнул, что она могла взять под покровительство более достойного волшебника, а в конце посоветовал ей обратить внимание на профессора Люпина. Это заинтересовало Фарли, как и самого Гарри, который был в курсе содержания ответного письма декана. Но всё, что она смогла выяснить — новый профессор по защите от Тёмных искусств нигде раньше не работал. Они решили, что Снейп просто пытается отвлечь их таким образом, хотя Гарри и раньше замечал неприязненное отношение Снейпа к Люпину. Но предыдущих профессоров на этой должности — Локонса и Квиррелла — их декан не жаловал тоже, скорее всего, мечтая занять их место.

Однако внимание профессора вскоре переключилось с ненавистного Гарри Поттера на Невилла Долгопупса и упомянутого профессора по защите от Тёмных искусств. Как Гарри с Дафной пересказала всезнающая Пэнси — на занятии с курсом Гриффиндора у «этого некрасивого и толстого мальчика» боггарт превратился в страшного профессора зельеварения. Как оказалось, тот боялся Снейпа до ужаса. Дафна предположила, что это из-за смерти его жабы на одном из уроков. Но к изумлению обоих слизеринцев, гриффиндорец смог справиться с боггартом. Даже голос Пэнси чуть дрожал от неверия, когда она пересказывала в красках все подробности, хотя она уже знала об этом от других и должна была переварить информацию. Всё же репутация у гриффиндорца была ниже, чем у домового эльфа, а с неприятной силой боггарта слизеринцы столкнулись на самом первом занятии у Люпина. Сам Гарри тогда не смог ничего противопоставить тёмному созданию, и это до сих пор его мучило. А вот Долгопупс смог. Если кто-то узнает, что тот превзошёл его в колдовстве...

— И он заколдовал Снейпа, превратив в свою малопривлекательную бабушку, переодев в старомодное платье и нахлобучив на голову шапку-грифон, — со смехом закончила Пэнси. Гарри не смог сдержать хохот, когда представил всё перечисленное на мрачном зельеваре. Снейп в женском платье! Голубые глаза Гринграсс расширились в изумлении, и она попросила заново всё рассказать, явно не доверяя своим ушам.

Это сильно подпортило репутацию Снейпу в Хогвартсе, и теперь тот ходил ещё злее. Гарри даже захотелось пожать руку гриффиндорцу за такой выпад против профессора. Как жаль, что он тогда не был рядом! И никто не догадался запечатлеть это на фотоаппарат. Может, если он найдёт где-нибудь боггарта и внезапно выставит против Долгопупса, то тот снова его заколдует, превратив в смехотворного Снейпа? Такие колдографии будут разлетаться, словно перья феникса. Гарри замялся, напомнив себе, что с боггартом он так и не справился. А значит, у него этот план не получится. Возможно, как-нибудь потом его удастся осуществить и отомстить проклятому декану. Главное, что он прекрасно знал из рассказов Фарли, кто докладывает профессору Снейпу, что можно говорить и при ком, а что нельзя. И чувствовал себя на факультете, как рыба в воде. Тем более сейчас он мог спокойно рассказывать своим друзьям, как провёл лето, не стесняясь жизни с Дурслями. Теперь ему не нужно было врать об унылой и плохой жизни у маглов. Но, разумеется, он не упоминал, что съехал от Дурслей и живёт в своём доме вместе с Джеммой Фарли, так как это крайне неприлично. Многие ученики негласно стали поддерживать именно его, а не Снейпа, считая его противовесом профессору, который докладывал Дамблдору всё о факультете.

*Примечание: осторожно закинул зелье в котёл (устойчивое выражение в магическом мире). Аналогично: закинул удочку. Осторожно узнавать что-либо, предварительно разузнавать что-либо, высказывать намёк на что-либо

<http://tl.rulate.ru/book/52529/1748011>